

УДК: 82-311.2/4 Писемский

СИСТЕМА ПЕРСОНАЖЕЙ И СЕМАНТИКА ИМЕН В РОМАНЕ А. Ф. ПИСЕМСКОГО «ТЫСЯЧА ДУШ» КАК СПОСОБ ВЫРАЖЕНИЯ АВТОРСКОЙ ПОЗИЦИИ

Кравченко Елена Витальевна,

аспирант кафедры русской и зарубежной литературы

Таврической академии (структурное подразделение)

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»;

e-mail: kravchenco_e_v@mail.ru

В статье рассматриваются система персонажей и ономастическое поле романа А. Ф. Писемского «Тысяча душ» как средства экспликации позиции автора. Доказывается, что поэтонимы романа реализуют не только номинативную, но и характерологическую функцию, аккумулируют авторскую оценку героев и изображаемых социальных и нравственно-психологических явлений действительности.

Ключевые слова: *авторская позиция, система персонажей, герой, двойник, семантика имени, ономастикон, поэтоним.*

Одна из актуальных задач современного литературоведения – изучение способов экспликации авторской позиции в произведении. Применительно к творчеству А. Ф. Писемского обозначенная проблема в той или иной мере становилась предметом научной рефлексии критиков и литературоведов от XIX века до настоящего времени (К. Ф. Головин-Орловский, А. В. Дружинин, Д. И. Писарев, А. М. Скабичевский, Н. Г. Чернышевский, Л. А. Аннинский, Л. М. Лотман, А. П. Могиланский, П. Г. Пустовойт, Н. В. Володина, Е. Л. Зайцева, Ю. К. Зубков, Е. Н. Круглова, Ю. Ю. Фролова [5; 7; 18; 1; 12; 13; 4; 8; 10; 11]). Однако, несмотря на значительное количество исследований, степень научной разработанности обозначенной проблематики в настоящее время не может быть признана исчерпывающей.

Цель данной статьи – выявление авторской позиции в романе А. Ф. Писемского «Тысяча душ» путем рассмотрения системы персонажей и ономастикона (совокупности имен собственных [3, 6]) произведения.

Система персонажей – художественное единство, в котором персонажи связаны какими-либо отношениями, – является наиболее значимым аспектом художественной формы литературного произведения, «важным уровнем в отношении художественного произведения к миру автора» [9, 15]. «При сколько-нибудь серьезном освоении персонаж-

ной сферы произведения, – отмечает В. Е. Хализев, – читатель неотвратно проникает и в духовный мир автора: в образах героев усматривает <...> творческую волю писателя» [23, 169]. Через систему действующих лиц выражаются представления автора о человеке и его взаимосвязях с природой и другими людьми, о его месте в истории и социуме.

Ономастическое пространство художественного произведения также обнажает скрытые смыслы авторского мировидения, порой может сказать больше, чем того хотел писатель. Поэтоним (имя в художественной литературе [3, 7]) является многомерной единицей в произведении, аккумулирующей самые широкие смыслы и выполняющей эстетическую, номинативную, характерологическую и символизирующую функции. Однако «поэтонимы не могут вводиться в художественный текст случайно. Они органически срастаются с общей архитектуроникой и содержанием художественного произведения» [3, 15].

Рассмотрим роман А. Ф. Писемского «Тысяча душ» (1858) в обозначенном аспекте.

Галерея персонажей романа многолика: здесь и светская аристократия, и помещики-провинциалы, и уездные барышни, и разночинная интеллигенция, и петербургское чиновничество, и дворяне, и крестьяне... Столь же многообразен нравственно-психологический мир произведения. Персональный строй романа моноцентричен: все линии сюжета фокусируются в судьбе главного героя Якова Калиновича, его характер проявляется в разнообразных связях с другими людьми.

Для раскрытия образа Калиновича А. Ф. Писемский использует сложную систему двойников и антиподов. По замечанию Б. Т. Удодова, «при всей жизненной и художественной самостоятельности двойниковых образов-типов они призваны прежде всего вскрыть многосоставность и противоречивость сознания главного героя, и в этом плане они занимают по отношению к нему художественно служебное, подчиненное положение» [21, 124]. В романе частичными двойниками, высвечивающими лишь одну сторону личности героя, являются князь Иван Раменский и Белавин.

Князь Иван, играющий значительную роль в судьбе Калиновича, – философ наживы и бесстыдного потребительства. Он подчеркивает низкую сторону сознания героя, его тягу к материальному преуспеянию, власти и комфорту. На первый взгляд, Раменский – благородный, воспитанный и умный человек. Это впечатление поддерживается и портретной характеристикой: «...он имел те приятные манеры, которые напоминали несколько манеры ветреных, но милых маркизов. К этой наружности князь присоединял самое обаятельное, самое светское обращение» [15, 73]. Однако привлекательная внешность диссонирует с его уродливой, разложившейся душой. На деле он оказывается откровенным хищником, аферистом, который для удовлетворения своих низких потребностей не гнушается никакими средствами. Князь лжив и

продражен, глубоко порочен и откровенно циничен при внешней благопристойности. Разъясняя Калиновичу свою жизненную позицию, Раменский, по сути, излагает ту же антигуманную теорию, которая спустя десятилетие с небольшим будет волновать героя «Преступления и наказания» Ф. М. Достоевского: «Люди, мой милый, разделяются на два разряда: на человечество дюжинное, чернорабочее, которому самим богом назначено родиться, вырасти и запречься потом с тупым терпением в какую-нибудь узкую деятельность, – вот этим юношам я даже советую жениться; они народят десятки такого же дюжинного человечества и, посредством благодетелей, покровителей, взяток, вскормят и воспитают эти десятки, в чем состоит их главная польза, которую они приносят обществу, все-таки нуждающемуся, по своим экономическим целям, в чернорабочих по всем сословиям. Но есть, moncher, другой разряд людей, гораздо уже повыше; это... как бы назвать... забелка человечества: если не гении, то все-таки люди, отмеченные каким-нибудь особенным талантом, люди, которым, наконец, предназначено быть двигателями общества, а не сносливыми трутнями...» [15, 180]. Разумеется, себе князь отводит роль «двигателя», а не «трутня», тем самым обосновывая свое право распоряжаться судьбами других людей. Так, он подчиняет себе и генеральшу Шевалову, и ее дочь, делает обеих своими любовницами и обирает.

В изображении Раменского Писемский прибегает к широкому спектру сатирических средств, опираясь при этом на гоголевскую традицию (ироническая характеристика героя, саркастическое обличение его пороков). Кроме того, в образе князя ощущимы добавочные смысловые коннотации, связанные с явным привнесением в его характеристику демонических черт. В Петербурге он предстает перед Калиновичем в роли искусителя, посланца мира тьмы. У Писемского этот мир тождествен материальному миру наживы и чистогана. Чрезвычайно пронизательный, князь без труда распознает сокровенные желания Якова Калиновича и умело манипулирует им. Под влиянием тлетворного начала, исходящего от Раменского, Калиновичем обесцениваются его прежние нравственные идеалы: теперь скромный комфорт, созданный руками Настеньки, ему смешон и противен, а ее любовь тяготит; низость и обман, хотя и на время, становятся спутниками его жизни. Ценностные ориентиры главного героя поколеблены столкновением с позицией идеолога зла и разврата. Именно Раменский побуждает Калиновича к совершению подлого поступка (женитьбе ради наживы), услаждая его слух приятными речами, дразня и соблазняя возможностью легкого достижения желаемых целей. Под влиянием князя Ивана герой вступает на путь нравственного компромисса.

Благозвучное имя – Иван Раменский – также отражает мысль о несовпадении в герое внешнего и внутреннего. С одной стороны, имя *Иван* в переводе с греческого означает «милость Божия» [19, 161], но

эта трактовка противоречит авторской интерпретации характера и поступков героя. Возникает другая ассоциативная связь. Имя *Иван* используется как широко распространенный в России XIX века оним [14]. Нарекая им персонажа, автор акцентирует типичность для этой эпохи человека, поклоняющегося Золотому тельцу, попирающего все духовные ценности и моральные устои ради достижения выгодного положения в обществе.

Напомним, что А. Ф. Писемский родился и жил в селе Раменье Костромской губернии. Фамилия князя Ивана, таким образом, возможно, имеет связь с данным топонимом. Однако можно рассматривать ее и в ином ключе: весьма вероятно, что она образована от прозвища *Раменный*, которое берет начало от диалектной лексемы со значением «медведь». В словаре В. И. Даля «Раменский» – шуточное прозвище медведя [6]. Символика этого животного имеет различные коннотативные смыслы. Значение символа определяется в первую очередь подобием медведя человеку: он выступает как звериный двойник человека. «У христиан и в исламской традиции он представляется как темная сила, жестокая, похотливая, мстительная и жадная» [20]. Именно в таком ключе обрисован Раменский, являющийся представителем мира низкого и недостойного.

Симптоматично, что в связи с образом князя Ивана в романе возникает архетипический мотив продажи души дьяволу. В своих размышлениях Калинович часто поминает черта: «“Черт знает, что я такое делаю!” – подумал он» [15, 157]; «Голова его решительно помутилась; то думалось ему, что не найдет ли он потерянного бумажника со ста тысячами, то нельзя ли продать черту душу за деньги и, наконец, пойти в разбойники, награть и возвратиться жить в общество» [15, 198]. И нечистый словно является ему в лице князя Раменского. Яков Калинович, соглашаясь на сделку с князем Иваном, как бы продает ему свою душу, взамен же получает богатство, комфорт и связи. Показательно, что соблазнение героя Раменским повторяется дважды, лишь на второй раз увенчавшись успехом: это обстоятельство обнажает внутреннюю борьбу в Калиновиче, его мучительный выбор между жадной жизненной успешностью и совестью. Выявляется подспудная связь между образами: в Калиновиче тоже проявляется демоническое начало (это своего рода рудимент романтической эстетики в художественной ткани романа). Автор отмечает его способность иметь некую власть над людьми: «пользуясь своей способностью властвовать, завладел окончательно соседом. Едва только являлся тот со службы и успевал отобедать, он зазывал его к себе и сажал играть» [15, 271]; Настенька: «Точно ты имеешь надо мной какую-то сверхъестественную власть. Греха? И того как будто бы не существует для меня в отношении тебя. Кажется, если б меня совершенно убедили, что за любовь к тебе я обречена буду на вечные муки, я и тогда бы не побоялась и решилась» [15, 291].

Привнесение автором в сюжет мотива искушения лукавым позволяет прочитать заглавие романа как символическое. Тысяча душ – это не только крестьяне, которые достаются Калиновичу в приданое за богатой невестой. Название произведения на ассоциативном уровне напоминает читателю о гоголевской поэме об омертвлении человеческой души в условиях тотальной бездуховности. «Мертвые души» у Писемского исчисляются не десятками и не сотнями («тысяча душ»): это и изображенные в романе представители современного писателю общества, люди без нравственных ориентиров, с мелочными и низменными стремлениями, и омертвевшая душа самого Калиновича. Однако писателем своеобразно преломляется и гоголевская концепция возможности воскрешения для любой мертвой души: в четвертой части романа герой перерождается и становится честным деятелем и активным преобразователем, заботящимся о всеобщем благе.

Автор нарекает героя Яковом: это имя, весьма редкое в русской литературе XIX века, означает «идуший по пятам, несамостоятельный, ведомый» [19, 177]. Семантика имени героя поддержана тем обстоятельством, что для достижения карьерных высот Калинович идет дорогой Раменского, следует за ним «по пятам». Отчество Васильевич – производное от имени *Василий*, что в переводе означает «царственный» [19, 155], – подчеркивает амбициозные стремления героя, его желание повелевать умами и нравами пусть даже небольшого мирка, властителем которого он становится. Фамилия главного героя Калинович образована от мужского имени *Калинник*, что в переводе с греческого означает «добрый победитель» [6]. Однако герой повержен, он не состоялся ни в одной из сфер жизни: ни в литературе, ни в общественной деятельности, ни в личных отношениях. Здесь сквозит горькая ирония автора: честный и активный деятель в одиночку не в состоянии противостоять социальному разложению.

Являясь двойником Калиновича, Раменский в то же время предстает и его антиподом. Они похожи в том, что ради комфорта и денег способны на низкие поступки. Однако скептицизм и крайний цинизм князя Ивана оттеняют другое качество личности главного героя – его стремление, достигнув материального успеха и высокого положения в обществе, стать полезным людям. Если Калинович еще сохраняет благородство души и подпадает под влияние низменных стремлений лишь на время, то князь не тяготится аморальностью совершенных проступков, ему чуждо раскаяние. Автор скрупулезно фиксирует мучительные колебания Калиновича между тягой к комфорту любой ценой и осознанием безнравственности собственных действий. Именно способность глубоко чувствовать свою вину отличает Калиновича от князя. «Про героя моего я, по крайней мере, могу сказать, что он искренно и глубоко страдал» [15, 210], – замечает рассказчик. Однако общество вытесняет из своего круга порядочного и активного деятеля Калиновича,

каким он предстает в последней части романа, и становится на защиту растленного князя Раменского, строящего свою жизнь в полном соответствии с господствующими нравами и социальной идеологией.

Частичным двойником Якова Калиновича является ещё один персонаж романа – Белавин. Некоторые существенные стороны их натур явно соотнесены автором: наличие духовных запросов, способность к рефлексии, стремление к интеллектуальным занятиям, идейным спорам. Не случайно, когда у Калиновича в Петербурге возникает жгучая потребность обсудить с кем-то «те нравственные вопросы, которые по преимуществу беспокоили его» [15, 279], он останавливает свой выбор на Белавине. Читатель узнает, что Белавин – человек с глубокими моральными принципами, умный и прекрасно образованный. На фоне его сочувствия положению Настеньки, дружеского расположения к ней резко высвечиваются недостойные поступки главного героя. Но, в отличие от Калиновича, Белавин прагматик, интеллектуальное начало берет в нем верх над эмоциональным, в нем недостает живой жизни. Настенька отмечает в Белавине душевную пустоту, сравнивая его с Калиновичем: «...я тебе [Калиновичу – Е. К.] узнала цену, сравнив его с тобой! – воскликнула Настенька. – Ты тоже эгоист, но ты живой человек, ты век свой стремишься к чему-нибудь, страдаешь... а Белавин никогда: он обо всем очень благородно рассудит и дальше не пойдет! Ему легко жить на свете, потому что он тряпка, без крови, без сердца, с одним только умом!» [15, 287]. Белавин отстаивает романтические позиции, горячо рассуждает о важности чувств в жизни человека, но на деле чуждается их, его сердце не знает любви. Не идущий дальше своих слов, инертный Белавин ярко оттеняет способность Якова Васильевича предаваться искренним порывам любви, его устремленность к активным действиям. Поэтому автор, соотнес двух героев, отдает свои симпатии Калиновичу, раскаявшемуся грешнику, живо реагирующему на изменения в обществе, а не Белавину, в котором акцентируются боязнь перемен, отсутствие стремления к глубоким чувствам и увлечениям, холодность. Он слишком лелеет свое спокойствие, никому не дает каких-либо обещаний, чтобы не отвечать за их выполнение. В фамилии героя, на наш взгляд, не случайно проявляются добавочные смысловые коннотации. Она образована от прилагательного «белавый» со значением *обеленный* – «освобожденный от податей» [22]. С одной стороны, данная трактовка подчеркивает независимость героя от определенных социальных установок: он не скован материальным положением и потому мыслит и действует свободно. С другой же – Белавин освобождает себя от излишних чувств, сердечной эмоциональности и житейских обязанностей. Не случайно прямая авторская характеристика Белавина не лишена иронии: «всю жизнь честно думал и хорошо ел» [15, 253].

По отношению к Калиновичу Петра и Флегонта Годневых можно назвать антиподами, что знаменует совершенно разные жизненные позиции героев при решении основных проблем, обозначенных автором.

Братья Годневы – представители старшего поколения – благородны, добры, отзывчивы. Петр Михайлович – старый идеалист, любитель изящной литературы и строгий в вопросах нравственности и чести человек, способный к высочайшему самопожертвованию. Из-за своей наивности и неприспособленности к жизни он гибнет в сетях карьеристов и дельцов. Характеристика социальных представлений Петра Михайловича окрашена иронической интонацией автора. Писемский критикует позицию романтической идеализации мира (Годнев видит в обществе только доброе и прекрасное, не обращая внимания на пороки). Взгляды идеалиста Петра Годнева не выдерживают первого же столкновения с реальной действительностью.

Петр Михайлович в изображении романиста – праведник, наделенный истинно христианским терпением. В его уста автор вкладывает моральные правила и религиозные сентенции: «Супруги должны недостатки друг у друга исправлять любовью и кротостью, а не бранью» [15, 10], «Кто не любит разделить своей трапезы с приятелем, тот человек жадный» [15, 10] и т. п. Недаром автор нарекает героя Петром: миссией апостола Петра была передача истинного правила веры. Имя персонажа в переводе с греческого означает «камень», таким образом, подчеркивается прочность нравственных ориентиров Годнева, его твердость в вере. Патроним героя Михайлович, образованный от имени *Михаил* – «подобный Богу» [19, 166], а также фамилия Годнев, произошедшая от прозвища *Годень* – «хороший, пугный» [6], подчеркивают принадлежность героя к позитивным началам жизни. Особым средством раскрытия образа Петра Годнева становится характеристика его литературных пристрастий. Старик предпочитает классиков XVIII столетия, воспевающих благородство, смелость и честь, с этой литературой глубоко впитывает в себя незыблемые моральные принципы, переходящие духовные ценности.

Флегонт Михайлович, изображенный в романе спокойным и уравновешенным человеком, что вполне соответствует нравам и укладу дома Годневых, неожиданно оказывается способным на горячность и душевные порывы. Имя героя означает «пылкий, горячий, возбужденный» [19, 175], и эта семантика символично проявляется в эпизоде, когда герой собирается вызвать Калиновича на дуэль, чтобы спасти честь племянницы и заставить жениться на девушке. Внутренняя сила этого второстепенного персонажа подсвечена его трехкомпонентным наречием: *пылкий* (имя) – *царственный* (отчество) – *путный* (фамилия). Старый капитан фактически становится единственной поддержкой для Настеньки, из жизненных испытаний выходит не сломленным обстоятельствами, духовно окрепшим.

Антиподом Калиновича выступает и литературный критик Зыков. Он истинный ценитель искусства, литератор по призванию, в то время как Калинович выбирает поприще литературы как «видное и выгодное

занятие» [15, 261]. К чему же приводит путь литератора? Зыков, «зава-
ленный» книгами, задыхающийся от кропотливой работы, умирает:
«Вместо полного сил и здоровья юноши, каким когда-то знал его Ка-
линович в университете, он увидел перед собою скорее скелет, чем
живого человека» [15, 243]. Зыков видит в Калиновиче тип литерато-
ра, достаточно распространенный в современной ему действительнос-
ти: это писатель, которого еще Белинский упрекал в литературном ари-
стократизме. Нравственная позиция художника оказывается при этом
напрямую связанной с его эстетическими принципами. В суждениях
Зыкова о литературном процессе в России нашли явное отражение
мысли автора: в этом обществе, развратном и косном, нет места высо-
кому искусству, ценятся только деньги и комфорт. Предсмертный го-
лос критика звучит зычно: «...художник даже думает образами. Смотри,
у Пушкина в чисто лирических его движениях: «В час незабвенный, в
час печальный я долго плакал пред тобой» – образ! «Мои хладеющие
руки тебя старались удержать» – еще образ! «Но ты от горького лобзания
свои уста оторвала» – опять образ! Или, наконец, бог с ней, с объектив-
ностью! Давай мне лиризм – только настоящий, не деланный, а как у
моего бесценного Тургенева <...>. А с одной, брат, рассудочной спо-
собностью, пожалуй, можно сделаться юристом, администратором, уче-
ным, но никак не поэтом и не романистом – никак!» [15, 247]. Зыкова
горячо волнует, что литературный процесс движется к упадку, литерату-
ра становится средством заработка. В фамилии персонажа – Зыков –
обнаруживается ассоциативная связь с прозвищем *Зыка*, которым в ста-
рину называли обладателя громкого, звучного голоса [6].

Для характеристики главного героя автор использует традицион-
ный мотив испытания любовью, поэтому в системе персонажей важ-
ное место занимают женские образы. Рядом с Калиновичем оказыва-
ются две девушки: бесприданница Настенька и владелица значительно
состояния Полина. Взаимоотношения с каждой по-особому высвечи-
вают характер героя.

Настенька – тип страдающей и униженной девушки. Повествуя о
воспитании и образовании героини, автор намеренно называет ее «уез-
дной барышней» старого типа, пробуждая в читателях ассоциации с
пушкинскими образами. Например, в повести «Барышня-крестьянка»
содержится следующая характеристика: «Что за прелесть эти уездные
барышни! Воспитанные на чистом воздухе, в тени своих садовых яб-
лонь, они знание света черпают из книжек... Уединение, свобода и чте-
ние рано в них развивают чувства и страсти, неизвестные рассеян-
ным нашим красавицам» [17, 101]. Позже В. Г. Белинский назовет уездной
барышней Татьяну Ларину, считая ее «идеальной девой». Такова ли
Настенька? Она читает много и с наслаждением, ее кумиры Пушкин,
Лермонтов и Гоголь. Поэтичность ее природы проявляется в том, что она
пишет стихи. Кроме того, девушка хорошо знакома с критической ли-

тературой и особое предпочтение отдает Белинскому. Настенька увлеченно изучает французский язык и по прошествии недолгого времени с легкостью читает французские романы. Однако автор подчеркивает, что, приобщаясь к чтению иностранной литературы, она теряет свою первобытную простоту и красоту (как следствие – грубит отцу, озлобленно воспринимает людей, иронизирует над их недостатками).

Образ Настеньки генетически связан с «бедной Лизой» Н. М. Карамзина: героиня Писемского чувствительна и великодушна, но, в отличие от сентиментальной Лизы, она героиня иного времени, натура решительная и сильная. Можно обнаружить и черты сходства героини с пушкинской Татьяной Лариной: Настенька столь же поэтична, самоотверженна и искренна в любви, замкнута для общества, не понята им и открывается для единственного человека, недостойного в этот момент ее чистоты и сердечности.

Юность девушки прошла в мире романтических героев, она строит свою жизнь по примеру любимой литературной героини – Индианы из одноименного романа Ж. Санд. Потому-то Настенька и воспринимает любовь как жертву и страдание. Она отличается живостью, естественностью и природным умом, имеет на все свой взгляд и свои суждения, поэтому местное общество не понимает ее и не впускает в свой круг. Данный конфликт традиционен и сближает героиню с «идеальными девами», о которых рассуждал Белинский: «Они презируют толпу и землю, питают непримиримую ненависть ко всему материальному» [2, 479]. Именно это мироощущение приводит ее к увлечению Калиновичем: она видит в нем прежде всего человека, восстающего против устоев безнравственного общества. Испытав душевное потрясение после обмана Калиновича, Настенька обращается к Богу и осознает, что в людях нужно видеть добро, что они достойны любви и сострадания. В душе героини происходит сдвиг аксиологических координат: из взбалмошной и горделивой девчонки рождается совершенно новая, цельная личность. Эта перемена поддержана и семантикой имени героини. *Анастасия* с греческого языка переводится как «возрождение, воскресение» [19, 152]. Смысл она раскрывается на двух уровнях: с одной стороны – как возрождение души героини, ее своеобразная инициация, с другой – ее миссия заключается в возрождении и спасении души Калиновича. Показательно, что автор называет героиню уменьшительно-ласкательным именем – Настенька, что подчеркивает его особую к ней симпатию. В отличие от Калиновича, девушка способна на самопожертвование и борьбу за свою любовь.

Важным моментом для понимания сути характеров Годневой и Калиновича является их встреча через десять лет. Приезд Настеньки в город приводит Калиновича в умиление, он обретает веру в свое спасение, ему кажется, что он исцелен и может быть оправдан. «Боже! Благодарю тебя, что ты посылаешь мне этого ангела-хранителя! <...>

По щекам его текли слезы; лицо умилилось» [15, 409]. Герой питает иллюзорную надежду на избавление, приходящее извне, тогда как освобождение возможно только в случае искреннего внутреннего раскаяния. Настенька, много повидавшая и пережившая, теперь воспринимает любовь исковерканно, как совершенно обыденное, пошлое чувство: она убеждает Калиновича, что женщина, которая клянется в вечной любви, или сама никогда не любила, или лжет [15, 448]. Силы разъединения и безверия действуют в романе властно и неизменно, разрушая очаги жизненной гармонии. Воссоединяясь после долгих скитаний и разочарований, герои не испытывают подлинного счастья, они встречаются словно доживать вместе последние годы.

Сопоставление Калиновича с Настенькой Годневой подчеркивает его слабость и неспособность выбраться из пут иерархической социальной системы. Настенька же освобождается от общественного давления и выбирает для себя свободу, став актрисой.

Другая женщина на пути Калиновича – владелица тысячи душ Полина. Семантика имени и отчества героини диссонирует с ее образом. Имя *Полина*, с одной стороны, – краткая форма имени *Аполлиария*, «принадлежащая Аполлону» [19, 153]. Аполлон в греческой мифологии – бог красоты и гармонии, героиня же наделена физическими недостатками, хотя душа ее не чужда стремления к красоте. С другой стороны, имя происходит от мужского *Павел*, что в переводе с греческого означает «малый» [19, 168]. Несмотря на огромное состояние и высокое положение в обществе, Полина не способна постоять за себя, становится жертвой в руках князя Раменского и отчасти Калиновича. Героиня нуждается в защите, о чем «сигнализирует» ее звучное отчество *Александровна* (*Александр* в переводе с греческого означает «защитник») [19, 152]). Это еще один вариант «униженной и оскорбленной», страдающей женщины. Лишенная всякого сочувствия, преданная мужем и Раменским, Полина погибает в одиночестве. Смерть ее наступает, когда вскрываются весенние воды, в мир приходит весна и обновление. Ей, сломленной духовно, нет места в этом круговороте жизни.

Таким образом, А. Ф. Писемский в «Тысяче душ» создает сложную и разветвленную систему персонажей, сгруппированных вокруг единого центра романа – Якова Калиновича. Персонажная сфера произведения позволяет автору создать ряд ситуаций испытания героя (жизненными невзгодами, любовью, материальными соблазнами, успехом на общественном поприще), цель которых – выявить сложность и неоднозначность его характера. Использование приема двойничества дает возможность сделать акцент на противоречивости сознания героя, борьбе в нем высоких и низких начал, эксплицирует неоднозначное авторское отношение к герою и его окружению. Образы-антиподы героя оттеняют значимые грани его характера по принципу контраста. Кроме того, наличие в персонажной системе романа представителей различ-

ных сословий и общественных слоев, – действующих лиц, с которыми Калинович связан многообразными отношениями, – имеет своим назначением воплощение идеи социального детерминизма: Писемский подчеркивает обусловленность поступков героя господствующими в сословно-иерархическом обществе порядками и моральными нормами.

Ономастическое пространство произведения представлено достаточно разнообразно. Писатель выбирает коннотативные имена для своих героев, используя онимы не только для номинации персонажей, но и в характерологических целях. В одних случаях они раскрывают положительные черты их носителей, в других – употребляются Писемским, чтобы подчеркнуть диссонанс между внутренним и внешним, кажущимся и подлинным. Поэтонимы романа аккумулируют авторскую оценку героев и изображаемых социальных и нравственно-психологических явлений действительности.

Список использованных источников

1. Аннинский Л.А. Три еретика: Об А.Ф. Писемском, П.И. Мельникове-Печерском, Н.С. Лескове. М.: Книга, 1988. 352 с.
2. Белинский В.Г. Полное собрание сочинений. В 13 т. Т. 7. М.: АН СССР, 1954. 735 с.
3. Васильева С.П., Ворошилова Е.В. Литературная ономастика: учебное пособие для студентов. Красноярск, 2009. 138 с.
4. Володина Н.В. «Литературные реалии» в романе А.Ф. Писемского «Тысяча душ» // Вестник Челябинского университета. 1996. №1. С. 34–45.
5. Головин-Орловский К.Ф. Русский роман и русское общество. СПб.: Издание А.Ф. Маркса, 1904. 502 с.
6. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. СПб., 1863–1866 гг. Режим доступа: <http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Dal.htm> (дата обращения 12.07.2015).
7. Дружинин А.В. «Тысяча душ», роман А.Ф. Писемского // Дружинин А.В. Собр. соч. Т. 7. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1865. С. 514–527.
8. Зайцева Е.Л. Повседневность в поэтике психологизма романа А.Ф. Писемского «Тысяча душ» // Вестник Новосибирского государственного университета. 2004. Т. 3. С. 84–89. Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/poetika-psikhologizma-v-romanakh-af-pisemskogo> (дата обращения 15.07.2015).
9. Зотов С.Н. Основы анализа системы персонажей литературно-художественного произведения. Таганрог: ТГПИ, 1991. 27 с.
10. Зубков К.Ю. Повести и романы А.Ф. Писемского 1850-х годов: повествование, контекст, традиции. СПб., 2011. Режим доступа: <http://www.cheloveknauka.com/povesti-i-romany-a-f-pisemskogo-1850-h-godov-povestvovanie.html> (дата обращения 11.07.2015).

11. Круглова Е.Н. Художественная позиция А.Ф. Писемского в литературном процессе 1840–60-х годов // Вестник Костромского государственного университета имени Н.А. Некрасова, 2008. №3. С. 174–178. Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/khudozhestvennaya-pozitsiya-af-pisemskogo-v-literaturnom-protsesse-1840-60-kh-godov> (дата обращения 10.07.2015).
12. Лотман Л.М. Писемский-романист // История русского романа. В 2 т. Т. 2. М.; Л.: Наука, 1964. С. 121–148.
13. Могилянский А.П. Писемский: жизнь и творчество. Л.: Наука, 1991. 160 с.
14. Отин Е. Словарь коннотативных собственных имен. Донецк: Юго-Восток ЛТД, 2004. 412 с.
15. Писемский А.Ф. Тысяча душ // Писемский А.Ф. Собр. соч. В 9 т. Т. 3. М.: Правда, 1959. 307 с.
16. Пруцков Н.И. Творчество Писемского 40–50-х годов и гоголевское направление // Мастерство Гончарова-романиста. М.; Л.: АН СССР, 1962. 230 с.
17. Пушкин А.С. Собр. соч. В 10 т. Т. 5. М.: Художественная литература, 1960. С. 98–119.
18. Скабичевский А.М. А.Ф. Писемский. Его жизнь и литературная деятельность. СПб.: Общественная польза, 1894. 96 с.
19. Суперанская А.В. Имя через века и страны. М.: Издательство ЛКИ, 1992. 192 с.
20. Трессидер Д. Словарь символов. М.: Наука, 1999. 448 с. Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/JekTresidder/index.php (дата обращения 15.07.2015).
21. Удодов Б.Т. Роман М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени». М.: Просвещение, 1989. 192 с.
22. Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка. М.: ОГИЗ, 1935. Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/15/us263001.htm> (дата обращения 01.07.2015).
23. Хализев В.Е. Теория литературы. М.: Высшая школа, 1999. 398 с.

THE SYSTEM OF CHARACTERS AND SEMANTICS
OF NAMES IN THE NOVEL BY A.F. PISEMSKY
«A THOUSAND SOULS» AS A WAY OF EXPRESSING
THE AUTHOR'S POSITION

Elena Vitalyevna Kravchenko,

*postgraduate student
of Crimea Federal V.I. Vernadsky University
(Simferopol, Crimea Republic, Russia),
e-mail: kravchenko_e_v@mail.ru*

The article considers the system of characters and onomastic field in the novel by Pisemsky «A Thousand Souls». It's means of expression of the author's position. Name of the hero implements nominative and characterize function, reveals the author's estimation of the character.

Keywords: *the author's position, the system of characters, hero, twin, value of the name, onomastic, poetic name.*

References

1. Anninskiy L.A. Tri eretika: Ob A.F. Pisemskom, P.I. Melnikove-Pecherskom, N.S. Leskove [Three heretics: About A.F. Pisemsky, P.I. Melnikov-Pecherskiy, N.S. Leskov]. Moscow, Kniga Publ., 1988. 352 p.
2. Belinskiy V.G. Polnoe sobranie sochineniy. V trinadcati tomah [The Complete works. In 13 volumes]. Moscow, The Sciences Academy of The USSR Publ., 1954. Vol. 7. 735 p.
3. Vasilyeva S.P., Voroshilova Ye.V. Literaturnaya onomastika: uchebnoe posobie dlya studentov [Literary onomastics: a study guide for students]. Krasnoyarsk, 2009. 138 p.
4. Volodina N.V. «Literaturnye realii» v romane A.F. Pisemskogo «Tsyacha dush» [«Literary reality» in the novel by A.F. Pisemsky «A Thousand souls»]. // Vestnik Chelyabinskogo universiteta [The Bulletin of Chelyabinsk University]. 1996. No 1. Pp. 34–45.
5. Golovin-Orlovskiy K.F. Russkiy roman i russkoe obshchestvo [Russian novel and Russian society]. St. Petersburg, A.F. Marks Ed., 1904. 502 p.
6. Dal V.I. Tolkoviy slovar zhivogo velikorusskogo yazyka. V chetiryoh tomah. [Explanatory dictionary of living great Russian language. In 4 volumes]. St. Petersburg, 1863–1866. Available at: <http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Dal.htm>, accessed 12.07.2015.
7. Druzhinin A.B. «Tsyacha dush», roman A.F. Pisemskogo [«A Thousand souls», a novel by A.F. Pisemsky] // Druzhinin A.B. Sobraniye sochineniy [Works]. St. Petersburg, Typography of Imperial Academy of Sciences, 1865. Vol. 7. Pp. 514–527.
8. Zajceva Ye.L. Povsednevnost v poetike psihologizma romana A.F. Pisemskogo «Tsyacha dush» [Everyday life in the psychological novel poetics of A.F. Pisemsky «A Thousand souls»] // Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta [The Bulletin of Novosibirsk State University]. 2004. Vol. 3. Pp. 84–89. Available at: <http://www.dissercat.com/content/poetika-psihologizma-v-romanakh-af-pisemskogo>, accessed 15.07.2015.
9. Zotov S.N. Osnovy analiza sistemy personazhey literaturno-hudozhestvennogo proizvedeniya [Fundamentals of system analysis of the characters of literary works]. Taganrog: TGPI Publ., 1991. 27 p.
10. Zubkov K.Ju. Povesti i romany A.F. Pisemskogo 1850-h godov: povestvovanie, kontekst, tradicii [Stories and novels by A.F. Pisemsky 1850-ies: narrative, context, tradition]. St. Petersburg, 2011. Available at: <http://www.cheloveknauka.com/povesti-i-romany-a-f-pisemskogo-1850-h-godov-povestvovanie.html>, accessed 11.07.2015.
11. Available at: <http://www.dissercat.com/content/khudozhestvennaya-pozitsiya-af-pisemskogo-v-literaturnom-protse-1840-60-kh-godov>, accessed 10.07.2015.

12. Kruglova Ye.N. Hudozhestvennaya pozitsiya A.F. Pisemskogo v literaturnom processe 1840–60-h godov [The artistic position of A.F. Pisemsky in the literary process 1840-60-ies] // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta imeni N.A. Nekrasova [Bulletin of the Kostroma State N.A. Nekrasov University], 2008. No 3. Pp. 174–178.

13. Mogilyanskiy A.P. Pisemskiy: zhizn i tvorchestvo [Pisemsky: life and work]. Leningrad: Nauka Publ., 1991. 160 p.

14. Otin Ye. Slovar konnotativnyh sobstvennykh imen [Dictionary of connotative proper names]. Doneck, Yugo-Vostok LTD, 2004. 412 p.

15. Pisemskiy A.F. «Tysyacha dush» [«A Thousand souls»] // Pisemskiy A.F. Sobraniye sochineniy v devyati tomah [Pisemskiy A.F. Collected Works. In 9 volumes]. Moscow, Pravda Publ., 1959. Vol. 3. 307 p.

16. Pruckov N.I. Tvorchestvo Pisemskogo 40–50-h godov i gogolevskoe napravlenie [The work of Pisemsky 40-50-ies and Gogol direction] // Masterstvo Goncharova-romanista [Skill Goncharova-novelist]. Moscow – Leningrad, The Sciences Academy of The USSR Publ., 1962. 230 p.

17. Pushkin A.S. Sobraniye sochineniy. V desyati tomah [Collected Works. In 10 volumes]. Moscow, Hudozhestvennaya literatura Publ., 1960. Vol. 5. Pp. 98–119.

18. Skabichevskiy A.M. A.F. Pisemskiy. Ego zhizn i literaturnaya deyatelnost [His life and literary activity]. St. Petersburg, Obshhestvennaya polza Publ., 1894. 96 p.

19. Superanskaya A.V. Imya cherez veka i strany [The name through centuries and countries]. Moscow, LKI Publ., 1992. 192 p.

20. Tressider D. Slovar simvolov [The dictionary of symbols]. Moscow, Nauka Publ., 1999. 448 p. Available at: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/JekTresidder/index.php, accessed 15.07.2015.

21. Udodov B.T. Roman M.Yu. Lermontova «Geroy nashego vremeni» [The novel of M.Yu. Lermontov «Hero of our time»]. Moscow, Prosveshhenie Publ., 1989. 192 p.

22. Ushakov D.N. Tolkovyi slovar russkogo yazyka [Explanatory dictionary of the Russian language]. Moscow, OGIZ Publ., 1935. Available at: <http://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/15/us263001.htm>, accessed 01.07.2015.

23. Halizev V.Ye. Teoriya literatury [Theory of literature]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1999. 398 p.